

A movie poster for the film 'Divorce'. The top half features a man in a dark suit seen from behind, looking towards a woman with vibrant red hair and blue eyes. The man in the foreground has a beard and a serious expression. The title 'Развод' is written in large, red, brush-stroke font across the bottom. A tomato is visible at the bottom left, and a rating circle is at the bottom right.

ЭЛЕН
БЛИО

Развод

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПРОШЛА ЛЮБОВЬ, ЗАВЯЛИ ПОМИДОРЫ

Элен Блио
**Развод. Прошла любовь,
завяли помидоры**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72635344
SelfPub; 2025*

Аннотация

– Продолжайте, продолжайте!

А что я еще должна сказать, застав мужа на любовнице? «На» или «В» – даже не знаю как правильно, и то и то подходит.

Я, конечно, не теряюсь, готова пожелать ему счастья и отправить в пешее эротическое, хотя хочется сказать, что на работе надо работать, а не это вот всё. Но говорю я, внезапно, совсем другое.

– Не знала, как тебе сказать, но у меня тоже есть другой.

И всё бы ничего, только теперь у меня одна маленькая проблема.

Как найти этого другого и предъявить разъяренному супругу. Ничего, я справлюсь.

Что ж делать, если, как говорится, прошла любовь, завяли помидоры?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	32
Глава 8	40
Глава 9	49
Глава 10	54
Глава 11	60
Глава 12	65
Глава 13	69
Глава 14	73
Глава 15	78
Глава 16	83
Глава 17	88
Глава 18	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Элен Блио

Развод. Прошла любовь, завяли помидоры

Глава 1

Десять тысяч пятьдесят восемь метров над землей, скорость восемьсот девяносто восемь километров в час. Прекрасный момент, чтобы начать новую книгу.

Итак. Начнём?

– Боже, продолжайте, продолжайте! – Я выскакиваю из кабинета мужа и истерически смеюсь, зажимая рот рукой.

Анекдот.

Жена неожиданно приходит к благоверному в офис и застаёт его с любовницей.

Они прямо там. В кабинете.

Он с ней. Он на ней.

На столе.

Реально анекдот.

Зачем на столе-то? Диван же есть в офисе?

Или на столе прикольнее?

Наверное, просто трахать секретаршу на столе это классика.

Все же именно так делают?

И кабинет не закрыли.

Ой. Секретарша моего мужа Анечка стоит в приёмной, и глазами хлопает.

Значит, не секретарша? А кто?

Заглянуть и посмотреть?

Видимо Аня считывает мой порыв, и тормозит меня.

– Стойте, там... Сергей Сергеевич занят.

– Да, я видела.

– Да? – девочка краснеет. Ну, как девочка? Мне тридцать восемь, ей по моим прикидкам лет двадцать пять или семь.

– Да, Видела. Трахает кого-то.

– Я... я... Говорила, что надо дверь закрывать. Я только в туалет отошла. Он меня уволит теперь.

– Ты-то тут причём? Это же он трахает. И не тебя. Или тебя тоже?

Еще сильнее краснеет.

– Вы что? У меня жених есть, я замуж выхожу.

– Совет да любовь.

– Спасибо.

– Не торопилась бы ты замуж. Видишь – ничего там хорошего нет.

Усмехаюсь, качая головой, а в приёмную тем временем выскакивает муж.

Сергей Сергеевич Гусаров. Хорошая фамилия. Гусар, блин.

– Надя... Надежда...

– Твой компас земной. Что, Серёг, облажался?

– Надя, я всё объясню.

– Да, нахрена?

– В смысле? – смотрит, глаза выкатив. – Я... ты...ты видела...

– Я... я видела.

– Это...

– Не то, что я думаю? – усмехаюсь, глаза закатывая, ха-ха, три раза. – Твой член был в другой бабе. Уверена, это именно то.

– Надя!

Вижу, как наливается кровью его лицо, шея, напрягается, пыжится.

Твою ж мать. Еще не хватало!

– Расслабься. Спокойно. Не нервничай.

– Надя...

Вот же блин! Инфаркта мне только не хватало.

Хотя...

В данной ситуации было бы очень даже неплохо. Только чтобы сразу.

Я его даже похороню достойно. Плакать буду. Вытирать крокодиловы слезы кружевным платком. Рядом будут стоять его любовница и секретарша. Мы поддержим друг друга. Вспоминать, каким он парнем был. А потом развеем его прах над Москва-рекой, за мостами которой он так трогательно

ухаживал.

Козёл.

– Надюша...

– Тихо, Сереж, тихо. Ну, подумаешь, трахнул какую-то стерлядь. Бывает.

– Надя!

– Всё нормально, правда. Я даже рада, что так случилось.

– Что?

– Ну да, теперь не придётся больше лгать, обманывать.

– Надя...

– Я давно хотела тебе сказать. У меня тоже есть другой мужчина.

Глава 2

– Что? Ты... Ты...

Давай, давай, Серёженька, еще скажи, что я блядь, вот я посмеюсь!

– Как ты... как ты могла?

– А ты?

– Что я?

– Как ты мог, Гусаров?

– Я... я мужчина!

– Охренеть. И что? Тебе индульгенцию, что ли, выписали, на измену?

– Чего?

Так, ясно, пробелы в образовании. Хрен с ним, объяснять себе дороже.

– Загугли, Серёжа.

– Ты... ты...

– Я, я.

Господи, он вроде не казался мне таким тупым раньше.

– Ты мне изменяешь?

– Я? Может ты?

– Ты сама сказала!

– Я сама видела, Серёж.

– Надя, я серьёзно.

– Я тоже.

– Надежда.

Господи, какой бред.

Хорошо еще, что звезда, которую он так страстно имел сидит в кабинете и не высовывается. Умная, типа.

Или прошаренная. Знает, что жене под горячую руку не стоит попадаться.

Ну, такое жене как я так точно.

– Серег, а че ты выскочил вообще?

– Что?

– Ну, я сказала, чтобы вы продолжали. Или ты закончил?

Сука, краснеет. Неужели реально смог кончить? Силён, блин.

– Надя...

– Ладно, я уже тридцать восемь лет Надя. Пойду. У меня дела еще.

– Куда пойдешь?

– Дела, говорю.

– А зачем приходила?

Резонный вопрос. Приходила посмотреть, как ты мне тут изменяешь Гусаров!

Зачем приходила.

Был повод, но теперь, наверное, это уже не важно.

Разворачиваюсь, чтобы уйти.

И меня опять накрывает смех.

Анекдот же, реально? Хотя в анекдотах чаще мужик из

командировки.

Интересно, что бы сделал мой муженёк если бы меня застал?

Устроил бы скандал? Убил бы моего любовника?

Или ничего не сделал бы?

Так же как я сказал бы – продолжайте?

Анекдот, да...

Нет, это на самом деле, наверное, весело.

Но не в том случае, когда главная героиня – ты сама.

В данном случае – я.

Думала ли я, что попаду в такую историю?

Вот, правда, нет!

И в мыслях не было.

Муж мой не миллиардер. Просто нормально зарабатывающий дядька. Руководитель одной городской структуры. Человек важный.

Такому положено иметь любовницу, да?

Ну, наверное.

Это ж классика.

Он серьёзный мужик, хорошо зарабатывает. В браке мы уже двадцать лет.

В таких случаях говорят – ушла новизна отношений.

Кто-то скажет, что она еще десять лет назад ушла. Не знаю, мне казалось, что нет.

Видимо, я просто в последнее время слишком зациклена на себе и на своих проблемах.

Вернее, не совсем не проблемах.

Сейчас это совсем не важно.

Сейчас важно то, что...

А что, собственно?

То, что муж мне изменяет? Ну, что такого? Да, многие так живут.

Он гуляет. Она закрывает глаза. Терпит. Или тоже гуляет.

Я же сказала, что у меня есть другой?

Зачем, кстати, сказала?

Балда.

И где теперь этого другого искать?

– Пойду я, Серёг. Дома поговорим.

– Надь...

– Надежда, подожди...

Ого, а вот это неожиданно...

Глава 3

– Надя...

– Лара?

Охренеть. Подруга, блядь...

Я в кабинете-то не сильно разглядывала чьи ноги мой муж раздвигает.

Оказывается, раздвигал он толстые ляжки моей подруги.

Ну, ладно, не вот прям сильно толстые.

Вот же сука.

Просто... сука!

– Надя, мы с Серёжей должны тебе объяснить, я...

– Беременна?

Неужели, твою мать? Ржать хочется еще сильнее.

Прямо драма по классике.

Он полюбил её подругу, которая готова родить ему сына, наследника.

У нас с Гусаровым только дочь. Семнадцатилетняя красавица Полина, из-за которой я, собственно, и притащилась сегодня в офис мужа.

Муж и подруга, страдают, чувствуют вину перед героиней, не знали, как сказать, но чувство давно захлестнуло их, и бороться с ним нет сил.

Не красиво. Чувствуют и чувство рядом. Надо как-то разделить. Ощущают? Не очень подходит. О! Любовь захлест-

нула! Так лучше.

Да, надо обязательно использовать это в своей новой книге.

Да, да, я писатель. Начинаящий.

Как в кино – поздновато начинаете. Нет, пишу я давно, и много, вот только раньше я работала на телевидении, и времени на книги не хватало. Да еще и возможность заработка была весьма сомнительной. Я знала, что пробиться в издательство трудно, да и платят там, не ахти как. А я на своём «телеке» имею вполне прилично, плюс понты – я работаю на федеральном канале! Ну, не совсем не федеральном и не совсем работаю, но это уже частности. Главное, что были деньги и был престиж. Брать у мужа не нужно было не то, что на булавки, но и на шубку норковую в рассрочку или колечко с «брюликом», которое по скидке, плюс бонусы от «Сбера», плюс бонусы от компании, плюс лично от продавщицы, которая подмигивает, оформляя, и ты не понимаешь, что заплатил, в принципе, именно столько, сколько стоит это кольцо. Потому что миллион двести как у них в изначальном прайсе оно точно не стоит, а те двести двадцать за которые ты его взяла – вполне реальная цена.

– Надя, ау? Ты куда уплыла?

Что? Да, реально, я уплыла. Передо мной мой муж и его любовница, моя подруга. И надо что-то делать, да?

– Лар?

– Что?

– Мне в волосы тебе вцепиться надо, или обойдёмся?

– Иди ты, Гусарова!

– Я там уже была. Так что, ты беременна?

– Боже упаси! То есть, нет.

– Ясно, боже упаси – это было прям жестоко. Милый, ты понял, трахаешь циничную шлюху?

– Что ты сказала? Ты сама шлюха, Надя!

– Не смей обзывать мою жену!

– Что?

Подруга, которая оказалась змеей, пригретой на груди, поворачивается и с размаху лупит моего мужа по морде.

Стоп. Я что-то не поняла?

Это же пока мой муж?

Разворачиваюсь и со всего размаха луплю по щеке подру-гу.

Вот так, сучка, отоварилась?

Упс, и мне прилетает от неё...

Глава 4

Нормально так поговорили, да? Интеллигенция, мать твою. Все с высшим образованием, с работой нормальной все. Почти.

Я не в счёт. Я ж, типа, богема. Телевидение, мать его ети, которое у нас, типа, никто не смотрит!

Ага, три раза.

Ладно, кто-то в этой компашке должен быть мудрее, и я, кажется, даже знаю, кто.

– Так, стоп, брейк! Хватит. Выпустили пар, да?

Молчат.

Мой Гусар стоит как собака побитая. Ну, все правильно. Он кобель и ему дали по морде. Я бы добавила, но как-то уже не хочется и руки марать.

Лара, наоборот, с гордо поднятой головой.

Нет, ну не сука ли? Подруга...

Говорила мне бабушка, что женской дружбы не бывает, а я, как всегда, не слушала.

Мне казалось, с Ларкой-то мы нормально дружим? Кого нам делить? Оказалось, очень даже есть кого. Мужа моего.

Ой, всё...

Что ж, пусть забирает, подарок судьбы! Пусть сама с ним теперь разбирается. Истерики его выслушивает, рассказы про запары на работе, про тупых подчинённых, которые ни-

чего не делают, он один за всех пашет, про тупое руководство города, которое его имеет во все щели. Мало имеют, если у него и на Ларочку время и силы остаются.

– Надя, давай поговорим... – устало сипит мой Гусаров.

Господи, да о чём с тобой сейчас говорить? Мысленно глаза закатываю, вздыхаю.

Что мне даст этот разговор сейчас? Что я услышу? Какая я плохая? Он ведь именно это сейчас мне будет задвигать, а «подружайка» моя добавит, не сомневаюсь.

Сейчас начнётся цирк, под названием – Надя, ты сама всё просрала.

Угу, как же...

Только вот мне на этом представлении смешно ни разу не будет. Я, может, даже заплачу. Но это не точно.

Оглядываюсь. Секретарша моего благоверного всё-таки молодчина, свалила по-тихому, когда заварушка началась. А сейчас бы нам всем не помешал кофе.

– Да, да, давайте поговорим! – нагло хмыкает Лара.

– А ты помолчи и вообще, иди, возвращайся на своё рабочее место. – внезапно зло одергивает её мой муж. Ого!

– Что? Ты не охерел, Гусаров?

– Это ты тут охерела, по ходу, Шилохвостова! Я сказал – иди работай.

– Так, да? Ну, смотри, Гусаров, не боишься, что накатаю телегу на тебя? Секс на рабочем месте, между прочим, дело такое, подсудное. А доказательств у меня до хрена и больше.

– Боже... – не могу сдержаться, как же мне смешно!

Подсудное дело! Я бы сказала иначе – паскудное, вот это точнее.

И как я докатилась до жизни такой?

Стою и наблюдаю как мой мужик со своей подстилкой собачится!

Ахтунг, просто.

– Знаете, что, голубки мои, давайте вы это обсудите без меня, ага? Я не могу это слушать, простите, не в ресурсе сегодня. К тому же, меня ждут. – Тут, конечно, я как Троцкий, в смысле пиз... ну, вру, если на интеллигентном.

Никто меня не ждёт.

Никакого любовника у меня нет.

Но Гусарову и Ларе сейчас знать об этом не обязательно.

А вот мне...

Где бы мне поскорее найти кандидата на эту роль? Нет, не в прямом смысле этого слова. Ну, то есть, заводить сейчас отношения ради банального адюльтера я, конечно, не буду. А вот поглумиться над мужем очень хочется. Не зря же я ляпнула?

И что делать?

Не мальчика по вызову же мне заказывать? Хотя...

Или мужа на час?

Думай, Надя, думай...

В очередной раз поворачиваюсь, чтобы уйти наконец из этого очка ада, но меня снова тормозят.

– Надя, у тебя правда кто-то есть?

Глава 5

Он догадался спросить об этом при Ларе! Вот засада!

– Кто у неё есть? – надо видеть лицо моей верной подружки в этот момент. Вся гамма эмоций, вся палитра, так сказать. И удивление, и потрясение, и зависть, и ненависть. Ого, какая оказывается у нас Лариса натура с богатым внутренним миром. Ну, ну...

– Гусаров, ты уверен, что нужно при ней это обсуждать? И вообще, здесь и сейчас? Я пошла, дома поговорим.

– Нет, стой! Остановись, я сказал! Кто это? Этот твой, режиссёр? Ты же говорила он женат?

– Боже, Серёжа, неужели? Женат! Ты, так-то, тоже женат. Тебя это остановило?

Развожу руками, глазами показываю на свою не обременённую моралью подружку и чувствую, как предательски алеют щеки.

Беда всех рыжих, даже не совсем натуральных рыжих.

Поэтому я не люблю врать, всегда попадаюсь на брехне. Щеки меня выдают и шея.

– Какой режиссёр? О чём речь? – кудахтает Шилохвостова.

– Слушай, Лара, тебя, кажется, начальник послал... на рабочее место. Ты не хочешь подчиниться его приказу? Или ты только другим приказам подчиняешься? Типа там, на ко-

лени, рот открой?

– Да, Наденька! И на колени и рот открой! Ты-то его минетом не балуешь.

– А этим еще и балуют? Вот не знала.

– И почему я не удивлена? – закатывает глаза Лара, а я думаю, что мало я ей врезала, надо было еще, и за волосы оттащить сучку крашену.

– Наверное потому, что всю жизнь объедки подбираешь за другими? – бью по больному, наотмашь.

Именно мне Ларка по большому секрету рассказывала о своей большой любви, отце её сына, который был женат.

Сразу не признался, мутил воду, о любви пел сказочки, о том, что пока не время быть вместе, у него так много работы, хлопот, и дом надо достроить. Даже возил её на этот дом, показывал. Гандон. Только вот строил он не для Ларочки, а для своей любимой жены. А Ларочка была так, приключение, на время стройки, пока семья застряла в другом городе.

Был у Ларисы и еще один эпизод, тоже с женатиком, того она почти увела из семьи, вернее, там его жена выгнала, нашла другого, а этот к Ларочке сразу прибил, мол, люблю, не могу. Только любовь так же быстро испарилась, когда этот кавалер нашел новую Лару, побогаче. Оказалось, что он просто натуральный Альфонс, ну, не классический, конечно, но жён выбирал исключительно по достатку. У Лары двушка в панельке, «брежневке», а у новой супруги в новом элитном ЖК недвижимость. Так что, Лара, адъёс!

Чёрт побери! А ведь я даже не подумала, что моя, падкая на женатиков подруга когда-то кинет свой блядский глаз и на моего.

Ох, бабуля... что ты там говорила про женскую дружбу? И почему я не слушала?

Хотя... А что, собственно, сделала Лара? Показала мне, что мой муж блудливое чмо? Так, наверное, ей за это надо памятник поставить. А то я так и жила бы в неведении и святой уверенности, что мой муж – ангел небесный.

Мдя...

– Ну и сука ты, Надя?

– Я? Нормально! То есть спишь с чужим мужем ты, а сука – я? Веселый такой поворот.

– Может и веселый! И да, я сплю с очередным женатиком, и с очередным мужем подруги. И знаешь, что скажу тебе, Наденька? Завидуй молча!

– Было бы чему завидовать, Лар. Я ж его как облупленного знаю, вдоль и поперёк! Поверь, там сейчас уже завидовать особо нечему, поистаскался!

– Ну, знаешь, любимая жена! Этого я вообще не ожидал от тебя!

– Я от тебя тоже не ждала совокупления на рабочем столе, так что фифти-фифти. Ничья. Всё, я ушла. Можете вернуться в кабинет.

– Куда ты ушла? Ты сказала, что у тебя есть любовник!

– Я сказала? – делаю вид, что не понимаю о чём он.

– Она сказала? – снова удивляется моя противная подруга.

Видимо, хочет этим показать, насколько беспочвенны страхи Гусарова. По её мнению, у меня мужика точно быть не может.

Чёрт, вот прямо-таки хочется её разочаровать!

– Да, я сказала. И слова свои обратно забирать не буду. Если тебе кажется, что я обманываю, Серёж, ну, извини. Играть не умею, видимо, не такая шикарная актриса как твоя мадама.

– Надя, что за любовник? Кто он?

Кто он! Мне бы самой понять!

Надя, Надя... волос у тебя долог, да ум короток. Это тоже бабушкино. В то время умели в разные точные изречения, пословицы, поговорки, афоризмы. Совсем иначе изъяснялись люди.

Сейчас уже поколение не то.

Усмехаюсь, вспоминая один эпизод, связанный с работой. Была я автором одного большого проекта, про аферистов. Мы пытались сделать реконструкции разных мошеннических схем, чтобы на живом примере показать зрителям как именно их могут обмануть. В проекте был ведущий, которому я писала текст, и вот одну фразу «на мякине не проведешь», он категорически отказался говорить. Я сначала не поняла почему. А потом как поняла! Он просто не знал, что это значит – «на мякине не проведешь»! Вот... Казалось бы,

у нас разница в возрасте с этим ведущим была от силы лет восемь, и какой разрыв! Поколение, которое не понимает старых поговорок и пословиц. Это ведь ужасно?

– Кто, кто, дед Пихто и конь в пальто. Сереж, когда мне понадобится вас познакомить – я постараюсь найти способ сделать это. Но он, скажем так, человек непубличный. Если захочет показать лично, как Гюльчатый, поверь, ты будешь сидеть в первом ряду.

– Надя, ты...

– Я, я, Серёжа, с утра я, тридцать с крылышками лет – я. Всё, пока, устала от ваших офисных будней. Счастливого оставаться!

– Надя! – окрик застаёт меня уже у лифта.

Да блина-малина! Я уже было понадеялась, что сейчас спокойно уйду, но нет...

Глава 6

– Надя, стой... – запыхавшийся, красный от натуги Гусаров спешит ко мне. Вроде же спортивный мужик был, распустил себя в последнее время. Не следит за ним Ларка.

Чёрт, а ведь она и не должна? Это я должна.

Вот только у меня, увы, ни сил нет, ни желания.

Прямо сейчас открывается мне простая до безобразия истина.

Я не люблю мужа. Давно уже не люблю.

Упс...

Он не чужой мне человек. Он как... неудобный родственник, с которым приходится мириться хотя бы потому, что кровь родная.

Мириться, но не любить. Мириться – не значит жить дружно. Просто быть соседями.

И пытаться сохранять видимость отношений.

Ради дочери. Ради родителей, которым, конечно, спокойнее, когда они знают, что дочь замужем, брак крепкий, муж приличный, не алкаш, зарабатывает, при должности. А то, что изменяет, ну так, кто нынче не без греха? Все так живут.

Вот это пресловутое и чудовищное – все так живут!

А я не все!

Я так не хочу.

И не буду.

Чёрт, я ведь реально считала, что у нас с Гусаровым не так всё плохо, да?

Ну, нет сильных чувств, нет страстей, да, это так. Но зато мы понимаем друг друга почти без слов. Он всегда идёт мне навстречу, и я стараюсь.

И дочь мы воспитали хорошую.

Кстати, о дочери!

Это ведь я из-за неё сюда пришла!

Только вот сейчас посвящать мужа в проблемы, связанные с Полиной мне никак не хочется. Не ко времени. Сама разберусь. Сама всё решу.

Да, как всегда.

Сама, сама, сама.

Во всём, что касается быта, семьи – я сама.

У Гусарова на это вечно не было времени. У него то объект, то сотрудники, раньше было еще и начальство, сейчас он на своей территории сам себе начальник, но проблем, естественно, только больше.

Собственно, вместе с Сергеем мы решали только самые глобальные вопросы. Например, покупку квартиры в ипотеку. Потом обмен на большую. Покупку участка, строительство дома. Машины.

И то, последнюю свою карету я сама себе выбирала и покупала. Гусарова только перед фактом поставила, что сдала свой «Фордик» в трейд-инн и взяла китайскую красотку. Он охренел, конечно. Начал мне что-то втирать про ужасы ки-

тайского автопрома, на что я просто показала ему цены на европейские авто, которые он всегда предпочитал, а также срок ожидания запчастей в случае поломки или аварии. Гусаров тогда почесал репу, потом недовольно сказал, что дело моё, ездить на этом корыте мне.

Угу, мне карета, ему корыто. Нормально, чё?

Главное, не предложил добавить денег, чтобы я купила себе хотя бы корейскую тачку!

Вот такая у нас семья.

И зря вообще я сегодня припёрлась с проблемами дочери.

Не припёрлась бы, не пришлось бы лицезреть порно сцену на столе.

Так и продолжала бы жить в неведении.

Носить с гордостью рога, наставленные подругой.

Нет, Ларка сучка, конечно.

А я её еще жалела!

Вот же, блядь. Никого нельзя жалеть!

И никому верить.

Вот только, как жить-то тогда?

Получается, и жить нельзя. Без веры, без милосердия, без жалости...

– Надя, ты... ты прости меня, дурака! Прости. Я... я не хотел. Правда. Ларка, она... ну, ты ж её знаешь, да? Она просто надела на меня, как...

– Что?

– Ну, она давила...

– Давила? – я охреневаю, конечно, он постановки вопро-
са... – Она тебя что, Серёж, заставила?

Пытаюсь сдержать смех и говорить с неподдельным ужа-
сом в голосе.

– Ну, Надюх, не начинай...

– Как ты меня назвал? Надюха? Ты совсем рамсы попутал,
Серёня?

– Наденька, ну не придирайся к словам, а? Ну... я случай-
но. И ты же знаешь, что мне нравится это – Надюха...

Угу, еще интонацию из известного фильма повтори, ко-
зёл, блин...

– Так что ты там бляял, Гусар? Лариса тебя заставила с
ней спать?

Боже, вы бы видели это лицо! Смотрит, почти как кот из
Шрека! Так и хочется ему уписать, чтобы кровь из носа по-
текла. Сердце ни хрена не болит, так пусть хоть нос сломан-
ный беспокоит.

– Надь, ну я ей как-то сказал, что она симпатичная баба.
Мы... ну, у нас тут что-то отмечали, юбилей, что ли, чей-то,
вот. Я немного коньячку жажнул, Ларка тоже... винца сна-
чала, потом...

– Давай без алкогольных подробностей. Давно это у вас?

– Ну...

– Не «нукай», не запряг.

– Наденька... Это... это не... не так давно.

– Недавно, значит?

– Ну...

Глаза закатываю. Да что ж за ёперный театр, а?

– После нового года вроде был тот праздник.

Новый год?

Блядь.

Сейчас начало октября. Египетская сила, как сказал бы папаша Воронин, царство ему небесное.

Получается, они девять месяцев трахались и мне ввали?

– То есть, она бы уже родить могла, если бы залетела?

– Родить? Что? Надь, ты в своём уме? Я ж предохраняюсь!

– Спасибо тебе, родной! – не выдерживаю, отвешиваю шуточный поясной поклон – вот просто низкий тебе поклон, от души, как говорится! От души.

– Надя.

– Да твою мать, Гусаров, иди ты на хер, а? Ты её больше чем полгода трахаешь! Её и меня?

Чувствую, как одновременно подкатывает и смех, и тошнота. Мутит.

Еще не хватало, чтобы меня сейчас вырвало на шикарный пиджак мужа. Кстати, почему бы и нет? С хрена ли он такой шикарный?

– Надя, ну... не полгода, мы же не сразу начали.

– Не сразу? То есть ты еще и страдал и отбивался, да?

– Надь!

– Пиздец, товарищи! А Лара? Ты её полгода теребонькаешь, и всё это время она делает вид, что моя подружка, да? В

гости к нам ходит? С дочкой нашей общается? Подарки мне на восьмое марта дарит! В кафе меня приглашает посплетничать...

Меня накрывает. Еще и потому, что я вспоминаю свои посылки с Ларой, загадочные улыбки подружайки, и рассказы о тайном поклоннике, который осыпает её подарками и трахается как божинька...

Это очень смешно! Гусаров, как божинька? Нет, ну, когда-то – да, когда-то мой супруг демонстрировал чудеса волшебного секса. Но как давно это было. Или, давно это было только со мной? А с Ларочкой он старался?

А может и не только с Ларочкой?

М-да... получается, тайный шикарный поклонник Лары был мой муж!

Прямо перед глазами сейчас её лисья улыбочка, глазки с поволокой, которые она закатывает, вспоминая как любил её могучий неназываемый мужик.

Неназываемый! Она ведь реально никак его не называла? Или называла?

Было что-то вроде ёжик, да?

Ёжик – Сирожик, блин...

А я-то дура, уши развесила! Даже не чухнулась, что это может быть мой родной неназываемый ёжик!

Блядь.

Абзац, просто... Абзац!

– Надя...

– Отвали-ты, а, Гусаров? Что тебе от меня надо?

– Надь, я не хотел...

– Да я поняла уже, Лара заставила. Очень смешно! Тебе сколько лет, деточка? Ты, может, еще у мамки спрашивал, можно тебе с чужой тётей трахаться, или нет? Хорошо, у меня не догадался спросить!

– Ладно, Надежда, ты уж палку-то не перегибай! Ты сама, между прочим, сказала, что у тебя тоже...

– Что, тоже?

– Рыльце в пушку! Разве нет? Ты сама призналась, за язык никто не тянул! Ты сказала, что у тебя тоже есть любовник! Кто он, Надя? Кто?

– Конь в пальто. Захочешь – узнаешь. Всё, я пошла. Сил больше нет эту ахинею слушать. Кстати, Ларка твоя у меня десятку занимала, пусть вернёт.

Всё, реально, больше не могу.

Сдулась.

Еду в лифте прислонившись к стене, глаза закрыв. Сердобольный пожилой мужчина даже спрашивает, не плохо ли мне.

Как в эпизоде знаменитого фильма, когда героиня сбегает от трусливого любовника.

Мне плохо, да. Плохо.

Но это, наверное, и хорошо.

Лучше знать правду чем вот так... девять месяцев за моей спиной! Суки!

Ненавижу!

И себя ненавижу. За то, что со своей работой, заботами, вообще упустила этот момент. Наверняка же звоночки звонили? Даже не так! Колокола били в набат! А я всё проворонила.

Овца.

Выхожу из здания. Сажусь в машину.

Не реветь, Надюха!

К сорока годам жизнь только начинается, а женщина расцветает!

Так что, вперед, на поиски любовника!

Что б его...

Глава 7

Летящей походкой выхожу из офиса мужа-предателя. Реально лечу. Ощущение какой-то свободы.

А ведь, наверное, я должна сейчас ползти со скорбными видом? Рыдать, стенать, заламывать руки, да? Так ведь делают те, чей мужик решает выгулять своего маленького брата?

Боже, это просто цирк.

Вот так, живёшь, живёшь, и вроде всё нормально. Ну, как нормально? Как у всех, да?

Ну, ответьте, вот прям по чесноку, кто, прожив двадцать лет в браке сохранил страсть, желание, огонь в сексе? У кого до сих пор горит и встаёт? У кого никогда не болит голова?

Много таких, а? Девочки, мальчики, ау? К вам обращаюсь!

Это я сейчас иду к машине, представляя себя ведущей топового ток-шоу. Я, типа, Юлия Меньшова, на худой конец – Барановская. Или Гордон.

Андрей Малахов в юбке.

Ну вот, мы с Гусаровым прожили двадцать лет без малого, на самом деле девятнадцать, но я округляю.

Чуть-чуть осталось до юбилея свадьбы.

Да, было всякое. И ссоры, и скандалы, почти до «разошлись, как в море корабли», и бурные примирения и жаркие признания в любви.

И трогательные совместные моменты, путешествия, разговоры, походы в кино, отдых, посиделки с друзьями.

Всё, что связано с дочкой – моя беременность, её рождение, младенчество, детский возраст, пубертат, юность – там тоже было много счастливых моментов, которые мы с Сергеем переживали вместе.

Обычная история самых обычных людей.

Как там у Толстого, все счастливые браки одинаковы?

Я ведь была уверена, что у нас вполне себе счастливый брак.

Да, бывали кризисы. И сейчас, сейчас я тоже полагаю, что мы переживаем кризис.

Переживаем и переживём. Как миллионы пар до нас и как миллионы пар после.

Миллионы пар вот так живут.

«Встретились, полюбили, комнату дадут – поженимся» – фраза из старого кино вспоминается. Да почти у всех так и есть.

Встретились, узнали друг друга, вспыхнула страсть, любовь, решили попробовать. Расписались, или просто съехались, потом уже дошли до ЗАГСа, или не дошли, есть и такие. Совместный быт, если он сразу не развёл – уже хорошо.

Жильё. В семейной жизни жилплощадь играет важную роль. Если нет её – плохо. Все эти съёмные квартиры, переезды, вечный страх, что выселят... У нас с Гусаровым это было, да. Но как-то нам повезло, и жили мы тогда, несмотря

на бытовые траблы дружно.

Любили, потому что?

Да, любили. Первые годы очень сильно.

И когда Полинка родилась – тоже.

Любили, любили, а потом взяли ипотеку.

Ха-ха!

Смешно, но, в нашем случае ипотека реально чуть не стала финалом брака в первый год. Нам повезло взять её на очень удачных условиях, а потом Сергея сократили, ему пришлось уйти на должность с зарплатой в два раза меньше. Как раз почти в размер ежемесячной выплаты.

Я тогда почти не работала – Полинка мелкая, детский сад, болячки постоянные. Это не всегда совместимо с работой, особенно на том же телевидении. Если ты должен быть на съёмке в восемь утра – будь. И никого не парит, что у тебя заболел ребёнок. «На телеке» все бездетные, холостые и здоровые. Только так.

В общем, жили мы тогда сложно, но я хватала всё, что могла схватить, писала какие-то тексты, искала проекты, где можно делать это удалённо. Пыталась принести в дом копейку, чтобы хоть как-то выжить, сдюжить.

Прорвались, выстояли, переступили.

И тогда я тоже была уверена, что нам помогает любовь.

Когда её не стало, любви?

Когда она перестаёт быть?

Или так это не работает? Если перестала, значит и не бы-

ло?

Но я ведь уверена, что она была!

Я помню один момент, очень хорошо помню, так ярко! Мы уже лет десять были в браке. Уже успели и привыкнуть друг к другу, и надоест, и узнать друг друга отлично. Еще говорят – как облупленного.

Выражение старинное, мне его бабуля объясняла так, что в деревнях раньше яйца чистили – облупляли, и если яйцо траченное – тухлое – узнать это можно было только после того как ты его облупил.

Да, я знала Сергея как облупленного, да и он меня, наверное, тоже.

А чего не знать-то? Времени вместе мы проводили много. Все «загоны» друг друга выучили. Я где-то старалась лишний раз на больные мозоли не давить, и терпела, если давил мой Гусар.

Все наши друзья считали, что мы шикарная пара и Сергей меня очень любит. Он и любил, да. Любил.

По крайней мере и тогда, и позже я его отношение к себе воспринимала как любовь.

Десять лет. Мы неожиданно друг для друга решили поехать вдвоём в небольшой пансионат в Рязанской области. Оттуда, из-под Рязани мама Сергея, там у неё в деревне остался дом и летом мы иногда туда приезжали. И в этот раз приехали, оставили Полину с бабушкой, а сами свинтили в «Лесную сказку»..

Мне казалось, что мы переживаем второй медовый месяц.

Такого секса, мне кажется, у нас никогда не было. Так ярко, остро, жадно. Мы оба обалдевали от того, сколько нового открываем друг в друге.

Закрываю глаза, проваливаясь туда.

У меня были проблемы с оргазмами. Ну, точнее, как, проблем не было при определенном настрое и позе. И мне надо было самой помогать себе ручками – у Сергея никак не получалось словить нужный ритм, надавить куда надо, я по молодости бесилась, потом решила, что лучше я сделаю сама, чем буду каждый раз терять кайф, объясняя ему что, как и куда.

В общем, думаю тут многие так же меня поймут.

Нас, женщин у которых есть некие проблемы с либидо и с удовлетворением много.

Нас, увы, большинство.

Текущие от взгляда мужика и оргазмирующие бурно сразу чуть ли не с потери девственности, мы, остальные, конечно, за вас рады, но не от всего сердца.

Кто виноват в том, что у современных женщин до сих пор есть вопросы с оргазмами – хрен его знает. Может воспитание, может мужчины. Может, блин, питание диетическое.

Но это факт.

Тех, кто легко и бурно кончает – мало.

Остальным приходится идти на разные ухищрения, ну или имитировать.

Снова вспоминаю те чудесные деньги в «Лесной сказке». Это реально была сказка.

Я кончала в любой позе, часто, много, обильно. У меня впервые случился сквирт. Гусаров охренел тогда. Сначала не понял вообще, что это такое мокрое. Потом дико собой гордился. Я даже ему дала звание почётного сквиртолога.

Мне казалось, что теперь так будет всегда.

Я любила Сергея тогда как-то неистово. Мне постоянно хотелось его касаться, целовать, ласкать, ноги раздвигать. Мы из номера выходили только завтракать и днём на час в СПА. После СПА еле добежали до номера и начинали трахаться уже в прихожей.

Я отдавалась ему, всхлипывала, шептала – я люблю тебя, люблю, люблю, люблю...

Мне было дико хорошо.

А потом, когда мы уже уезжали, Сергей как-то посмотрел на меня с такой ухмылочкой и спросил:

– А что с тобой случилось, а? Ты прям... нимфоманкой стала.

Помню, что меня его эта фраза тогда размазала. Заморозила.

Просто убила.

Я ему в любви признавалась. Я реально дышала им! Только им! Он был моим мужем десять лет, и я готова была кричать от счастья, что он мой!

Именно он мой, а я его!

И тут это...

Нимфоманка.

Не помню, как я тогда отшутилась, что придумала. В деревню к его матери ехали молча.

Я думала, он понял, что сморозил что-то не то, а потом до меня дошло – нифига он не понял.

Вообще не понял, что случилось между нами!

Что моя распутившаяся женственность его приняла, а он не оценил!

Мне тогда было почти тридцать. Самый расцвет.

Домой вернулись, всё покатило как раньше. Дом, работа, быт, ребёнок. Секс.

Опять тот же самый секс.

Одна поза и моя рука в помощь.

Пару месяцев прошло, и Сергей как-то лег ночью рядом и спросил, мол, когда я уже опять буду такой как тогда, в «Лесной сказке»?

Мне хотелось ему ответить – никогда.

Потому что, увы, я именно так и чувствовала.

Может, именно тогда и началось?

Развоплощение любви?

Почему же мы тогда продолжали быть вместе? Еще почти столько же лет?

Почему я не ушла?

Почему Сергей не ушёл?

Сейчас у меня нет ответа. Наверное потому, что я тогда

думала – мой брак единственный, я выходила замуж, чтобы прожить с человеком всю жизнь. Я не хотела лишать ребёнка полноценной семьи. Отца.

Ну, не делить же таким потом и кровью заработанную ипотечную трёшку?

Да, потом с деньгами стало сильно проще – Сергей получил должность, да и у меня появились хорошие проекты. И ту первую трёшку мы поменяли на гораздо более престижную. И её тоже не охота было делить.

А может...

Может мне просто некуда было уходить?

Уйти просто у никуда? Смысл?

Уходить, наверное, надо к кому-то.

А где найти кого-то?

Господи, где мне найти любовника?

Я понимаю, что это очень тупо. Мне проще сказать Гусарову, что я взяла его на понт, пошутила. Глупость сделала!

Но что-то внутри меня яростно протестует. Какой-то бесёнок сидит и подзуживает – давай, Надюха, покажи им, что есть еще порох в пороховницах и ягоды в ягодицах! Сделай эту сладкую парочку!

Легко сказать, сделай, но как?

Блин...

Достаю телефон, набираю номер подруги.

– Ада, привет, слушай, у тебя нет лишнего мужика, а?

Глава 8

Сидим с подругой в кафе и... хохочем как потерпевшие.

– Мужика ей, лишнего! Нет, ну ты даешь...

– Даю, а что? Ну, то есть, теоретически и дать могу...

И мы снова взрываемся хохотом.

Недалеко от нас, через столик сидят два очень важных мужика в костюмах. Один поворачивается, окидывает нас таким взглядом, что, будь я немного поскромнее и помоложе точно зарделась бы, застыдилась, и приготовилась бы сквозь землю провалиться.

Да, да, было времечко, когда я, Надюша, тогда еще Новикова, могла застесняться так, что замирала от ужаса, холодела, чуть ли не заикалась.

«Было, было, было, но прошло, о-о-о...» – Напеваю неожиданно всплывший в голове замшелый хит, уже и не помню чей.

Сейчас я нагло окидываю козла в костюме ответным взглядом, и приподнимаю бровь. В переводе это означает – что пялишься, гандон?

Костюм явно удивлен, что я так смело реагирую, чуть морщит нос и отворачивается.

Кретин.

Боже, повезло же кому-то иметь такое вот «щастье»! Небось жену абьюзит, и, так же как мой любовницу на столе

шпилит. Придурок.

– Ты чего, Надюш?

– Ничего, кажется, мы помешали властным чувакам решать властные вопросы.

– Да, неужели? – Адка поворачивается, так же одаривает соседний столик, презрительным взглядом, потом возвращает свою прекрасную голову на место. – Тебе не кажется, что им нужно успокоиться?

Подруга хищно улыбается и подзывает официанта.

После делает глоток кофе, отправляет в рот ложку крема от «Павловой» и смотрит на меня.

– Так, а если серьёзно, кандидаты есть. Даже два. Могу поделиться.

– Да, ладно? И почему я не удивлена?

Я реально не удивлена, хотя знаю, что я жизни Ады тот еще «адок». Грядет развод, раздел имущества. Её примерный и любимый муж, как и мой оказался гулящим кобелём.

Чёрт, еще так недавно я утешала подругу, которая позволила себе немного поплакать на моём плече. И вот теперь я в аналогичной ситуации, только плакать не собираюсь.

Нет, может поплачу. Как-нибудь, потом. Завтра. После дождичка в четверг.

– Вообще, молодец ты, Надя, конструктивно вопрос решаешь.

– С тебя беру пример.

Это точно, с Ады можно брать пример. Хладнокровная

она. Не в том смысле, что холодная как рыба, а в том, что не скатывается в уныние и истерику, в «жалелки» себя, а действует. Нашла адвоката. Да и любовника, кажется, тоже нашла.

С Адой мы сдружились не так давно. Наверное, лет пять общаемся, соседи, моя дочь чуть старше её сына, в одну школу ходят.

И, кстати, именно Ада мне сразу сказала, что Лару нужно из моей жизни убирать.

– Ты что, не видишь, что она одинокая, озлобленная бабёнка? Присосалась к тебе как пиявка, смотри, ничего хорошего не выйдет.

Как в воду глядела – не вышло.

Я всё жалела Лариску, жалела, ага, дожалелась...

– В общем, решайся, если тебе чисто так, чтобы показать, что ты не одна, я могу попросить Филиппа подыграть.

– Твоего Филиппа? – удивляюсь, потому что с Филиппом у Ады вроде как роман начинался.

– Да какой он мой, – подруга отмахивается, и кривит губы, – ничей он, гуляет сам по себе.

– И он согласится?

– Если я попрошу – согласится. Но мне кажется, это не лучший вариант.

В этот момент официант выносит поднос с чайником и чашками, и подходит к господам в костюмах. Те удивлены, я изо всех сил стараюсь не ржать, закусывая изнутри десну.

Ада, которая сидит к ним спиной подмигивает и не скрывает улыбку. Зараза, смешит же меня!

Тот товарищ, который оглядывал нас недовольно, поворачивается, вижу, как раздуваются его ноздри. Встаёт, подходит к нашему столику.

– Дамы?

– Да? – поворачивает голову Ада.

– Извините, не совсем понял ваш месседж. Вы попросили официанта принести нам чай с мятой?

– Именно. Мне кажется, мы немного нарушили ваш покой, так вот, мята успокаивает, – очень вежливо отвечает подруга. – Правда, говорят, что она не очень хорошо влияет на потенцию, но я об этом не подумала, простите.

– Считаете, что это весело? У нас деловые переговоры, и вы нам мешаете.

– Неужели? – хлопает глазами Ада, изображая блондинку-блондинку, – Простите, я обычно веду переговоры в офисе, или вечером в хорошем ресторане, а не днём в сетевом кафе, где могут встретиться подруги, которым просто хочется поржать. Если мы вам помешали, вы можете встать и уйти.

Отбрила.

Просто шикарно.

И этот придурок реально не знает, что сказать. Рот открывает, как рыба.

А я бросаю взгляд на его собеседника, которого до этого момента особо не могла разглядеть.

Твою ж мать! О-о...

Бывают же такие мужики, а?

Я залипла, главное, чтобы челюсть не совсем упала.

Просто двести процентов тестостерона. Хорош, скотина.

Знаете, бывает такой тип мужчин, про который почти любая женщина скажет – дала б не глядя.

Вот и этому я бы дала. Блин.

Похож на Тома Харди. Не классический красавец, но такой, от вида которого просто сразу соски сжимаются и между ног дискомфорт и влажно.

Нет.

Чёрт!

Смотрю на него и думаю о любовнике, которого надо найти.

Это был бы идеальный вариант! Только...

Нахрена ему я?

Уже не такая молодая и свежая дама, у которой в анамнезе гулящий «кобелино» муж, дочь, которая считает себя уже сильно взрослой, а в перспективе развод и раздел имущества.

Да, да, я свои шансы оцениваю трезво.

Я хороша, я красивая, я себя люблю. Но трезвость оценки помогает избежать многих разочарований.

У меня достойное тело, фигура отличная, грудь, попа на месте, животика почти нет, тонкая талия. Кожа в отличном состоянии. За лицом я, конечно, ухаживаю, как любая нор-

мальная современная дама. Косметолог, уколы, аппараты – это уже стало нормой нашей жизни, и я не понимаю, почему мы должны этого стесняться и убеждать всех, что ничего с собой не делаем.

Кто не делает – это видно.

Даже самый простой массаж лица творит чудеса. Но кому-то лень, кому-то дорого, кто-то не верит в процедуры.

Ну, каждому своё.

При этом я понимаю, что в какой-то степени мой поезд уже ушёл.

Но я за ним и не бегу.

Молодость прошла, я вступила в пору зрелости и это состояние мне дико нравится.

Красота еще есть, мозги уже есть. Живи и радуйся.

Я и стараюсь жить и радоваться.

Теперь буду вдвойне стараться.

Раньше-то я думала, что как женщина могу радоваться только в своей семейной жизни, в супружеской постели. Гулять не собиралась, даже если не всё устраивало.

А теперь...

Я словно получила карт-бланш.

Могу. Имею право.

Свободна как ветер.

Эх, сейчас бы подойти к этому красавчику в костюме и заявить – не хотели бы вы стать моим любовником?

Усмехаюсь сама себе и своим мыслям. Наверняка он же-

нат на какой-нибудь двадцатилетней модели-блондинке, ноги от ушей, бюст пятого размера и талия шестьдесят сантиметров.

Зачем ему рыжая разбитная почти разведёнка с прицепом?

Но смотрит-то он на меня с интересом!

С любопытством смотрит! Пока его друг обтекает отбритый моей Аделаидой.

И я решаю похулиганить.

Беру и подмигиваю ему.

А он...

Он поднимает чашку чая с мятой, который им с барского плеча подкинула подружка, салютует мне и с наслаждением отпивает.

– Вы что-то еще хотели? – скучающе говорит Ада его недовольному спутнику, – Кажется, у вас там важные переговоры, вернитесь за свой столик и не мешайте нам общаться.

– Вы... вы...

– Только попробуйте меня оскорбить, будете иметь дело с моим адвокатом. Герман Крестовский – это имя вам о чём-то говорит? – ох, умеет же Ада вот это вот делать, а?

Костюм фыркает как идиот и возвращается на своё место. Я не слышу, что говорит ему тот красавчик, который мне «зашёл», но он явно так же издевается над своим компаньоном.

– Так, ладно, подруга. На чём мы там остановились? На твоём любовнике?

Аделаида, зараза, как назло говорит слишком громко, и я вижу взгляд незнакомца с чашкой, который застывает, а потом оглядывает меня как-то... осуждающе, что ли? Усмехается, головой качает и подзывает официанта.

Что? Не понравилось, что у женщины может быть любовник?

Интересно!

То есть, это только вам, мужикам позволены «леваки»? Это только вы, господа в костюмах и с аппаратом, между ног болтающимся, имеете право иметь всё, что движется?

Почему-то такое зло берёт. Внутри всё кипит и клокочет.

– Да, вернёмся. Любовник просто необходимая вещь в хозяйстве.

Ада снова прыскает, качает головой.

– Ой, мать... что-то мы с тобой разошлись. Знаешь, у меня предложение. Я завтра собралась на милонгу, танцевать танго. Пойдешь со мной?

– Танго? Но... я не танцую.

– Пару «па» я могу тебе показать, но вообще там перед танцами небольшой мастер-класс, да и в принципе в танце ведёт партнёр, как и в сексе, тебе нужно только отдаться ему, расслабиться и получать удовольствие.

Расслабиться и получать удовольствие – это что-то мне недоступное. Увы.

Эх...

С сожалением наблюдаю как официант убирает с соседнего столика. Деловые переговоры властных окончены, они встали и ушли. И этот, которому бы дала не глядя, даже не взглянул в мою сторону.

Да и плевать!

На каждого обращать внимание! На хрен надо!

А любовник... найду! Никуда не денусь. Это уже дело чести.

И не просто так найти, для ширмы. А реально.

Внутри всё дрожит.

Чёрт. Неужели это всё на самом деле со мной происходит?

Жизнь в один момент перевернулась. Точнее повернулась ко мне не самой приятной стороной.

Аде звонит её адвокат – надо идти. Подзываем официанта и узнаем, что оказывается наш счёт оплачен!

О-о!

– Слушай, ну, значит не совсем еще потерянные для общества экземпляры.

– Угу, – отвечаю, уверенная, что счёт наш закрыл мой Том Харди.

Мой... ахах!

Жаль, что мы больше не встретимся.

Да уж, как бы не так! Встреча происходит, причём довольно быстро, и совсем не так, как я рассчитывала!

Глава 9

После встречи с подругой меня немного потряхивает.

Или это после встречи с Томом Харди? Нет, и встречи-то как таковой не было, просто... Один взгляд.

Эх.

Везёт же кому-то да? Ну, той, у которой такой муж. Везёт.

Хотя может быть как в том анекдоте, когда два друга смотрят на шикарную блондинку, облизываются, а третий говорит – а представьте, что кого-то она так задолбала!

Да, кого-то, может, и шикарный мужик задолбал. Но я бы взяла, попользоваться. Ненадолго.

Мне же нужен любовник? Ах-ах!

Еду домой, внутри всё продолжает кипеть.

Понимаю, что на самом деле я еще до конца не осознаю всё то, что случилось.

Не осознаю, как перевернулась моя жизнь.

Что теперь делать?

Разводиться, да? Это ж пипец... Адвокаты, дележ имущества, судебные заседания. Или сейчас всё проще? Нет, проще тем, кому делить нечего. У нас-то всё-таки и квартира и дача и машины.

И Полина.

Блин...

Как сказать дочери обо всем?

Дочь. Ох, чёрт! Я же приехала сегодня в Гусарову не просто так! Я же из-за Полины приехала!

Полине семнадцать, она учится в одиннадцатом классе и у неё любовь!

Да, да, любовь новая! Откуда взялся – пока не очень понимаю. Взялся.

Кажется тоже живёт в нашем жилищном комплексе. Ну, комплекс большой, корпусов много.

Хорошо, если реально тут живёт, хотя бы есть вероятность, что из приличной семьи. Ну, просто в нашем ЖК как-то в основном живут приличные. Тут квартиры стоят ого-го! Мы еще в своё время купили на этапе строительства, поэтому немного сэкономили.

Ладно, рассуждаю как старая бабка. Хотя резон в этом есть. Для дочери хочется лучшего.

Так вот, почему я срочно прилетела к Гусарову, потому что застала дочь с этим парнем! В её комнате! На постели!

Нет, они были одеты, слава богу. НО!

Целовались!

Ей всего семнадцать!

Я оказалась не готова к тому, что моя красивая, маленькая девочка может вот так...

Интересно, а кто-то бывает к этому готов? А может... может это нормально? Ну, в нынешнее время все же ранние, да? Да и я в свои семнадцать была... Нет, стоп, я всё-таки в восемнадцать! И, заметьте, с будущим мужем.

А эти...

Парень, конечно, красивый, видный, очень высокий. И, кстати, тоже типаж Тома Харди. Такой... бунтарь.

Только вот выставила я этого бунтаря из квартиры моментом! Еще и с дочкой поругалась. Она вообще-то должна быть в школе!

– Мам, ну у нас самоуправление, меня это бесит! Ненавижу. Смысл идти на уроки, которые ведут твои одноклассники! Прикинь, русский у нас должна была вести Ника Бурмистрова! Мам, она «извини» через «е» пишет! И вообще, у неё в постах больше всего ошибок.

– Ты мне зубы не заговаривай! Самоуправление! Ты в курсе, что тебе семнадцать?

– Ма-ам!

– А ему сколько?

– Ему... мам... он... он... какая разница?

– Посадят его – будет разница.

– Мам, ты что? С ума сошла? Какое, посадят? Куда? Мам?

– УК РФ, знаешь что такое? Загугли, если не знаешь! И про секс с несовершеннолетними тоже!

– Мама, у нас не было секса!

– Не было, потому что я зашла!

– Мам! Не было, потому что я сказала «нет»! И потому что Артём готов ждать!

– Ах, Артём готов! Какое благородство! Какого хрена тогда Артём трётся в нашей квартире? На нашей кровати? Нор-

мальные мальчики приглашают девочек в кафе, на выставки, в театр.

– Мы были мам, в кафе. И в музей современного искусства ходили, и собираемся на концерт «Героев»... ну, саундтрек из «Героев»...

– Каких «Героев»?

– Ну ты что, мам? «Герои меча и магии»? Ты же сама играла.

Ох, чёрт! Реально когда-то мы с Серёгой как сумасшедшие рублились в эту игрушку и музыка там реально шикарная, один из лучших саундов всех игр.

– Так... о чём мы? Зубы мне не заговаривай. Чтобы я этого Артёма тут не видела.

– Мама! Ты... ты...

– Я! Что я? Тебе надо школу окончить и институт. А потом делай что хочешь.

– А если я не хочу в институт?

Здрасьте, приплыли! Стоит появиться какому-то Артёму, и мы уже не хотим в институт!

– Восемнадцать исполнится, можешь собирать чемодан и делать что хочешь, раз такая умная выросла. Всё.

Господи...

Это я так говорила со своим ребёнком?

Весь наш диалог я отлично запомнила. Ох...

А теперь я должна сказать дочери, что мы с её отцом разводимся.

Капец...

Или я тороплю события? Может, никакого развода не будет?

Паркую машину, выхожу.

Иду по направлению к подъезду и вижу знакомую фигуру.

Артём, значит?

Парень не один, рядом с ним стоит какой-то мужик. Спиной ко мне стоит. Мужик в знакомом костюме.

– Бать, ну, блин, я же сказал сделаю?

– Сказал, значит делай!

Батя поворачивается.

Нет, блин... так не бывает!

Глава 10

Оглядывает меня с прищуром. Точно, блин, Том Харди на минималках. Думает, что, я за ним слежу?

– Здравсьте... – выпаливает парень, который, конечно же меня узнал.

– Виделись, – отвечаю коротко, потому что внутри всё клокочет.

Значит, что, папаня сынуле не рассказал, что бывает за секс с несовершеннолетними?

– День добрый, – продолжает сканировать меня взрослая версия парня дочери.

– Это твой отец? – задаю вопрос, ну, чтобы наверняка, очень не хочется попасть впросак, вдруг это какой-то рандомный мужик, хотя я слышала как Артём назвал его батя. Но, мало ли?

– Да, я его отец, – Харди решает ответить сам за себя, что ж, – а в чём дело?

– Пап, это мама Полины.

– М-м-м, значит мама Полины... – этот гад теперь оглядывает меня еще более откровенно, просто нагло раздевает глазами.

Козёл.

– Напомни, Полина – это кто?

Вот же сволочь, а? Не знает он, кто такая Полина! Девуш-

ка, из-за которой твой сын может на нары загреметь, придурок!

– Полина, это моя дочь, которой нет еще восемнадцати, и которую ваш сын...

– Не было у нас ничего. Я знаю, что она малолетка...

– Так, стоп. Артём, я не понял, у тебя есть девушка?

– Удивительно, правда? У парня... м-м-м, сколько тебе? Двадцать? Двадцать один?

– Двадцать два.

Охренеть! Переросток! Акселерат, мать твою.

– У парня в двадцать два есть девушка!

– Удивительно, что постоянная. – парирует Харди и я его еще больше ненавижу.

– Значит так, – приосаниваюсь, готовясь выдать речь, но меня нагло перебивают.

– Алексей. – усмехается и протягивает руку.

Еще чего! Руки мне его еще пожимать?

– Значит так, Алексей...

– Могу я узнать ваше имя?

– Надежда Петровна. – за меня отдувается Артём. Знает, значит?

Да, блин, да! Очень банально! Особенно, когда твою подругу зовут Аделаида, а ты Надежда Петровна! Но, что поделать? Вот так вот мама с папой назвали, постарались. Хорошее имя, Надя, главное – редкое, как говорили в самом новогоднем фильме всех времен и народов.

– Надежда Петровна, мне очень приятно.

Он всё-таки ловит мою руку, наклоняется и... прижимается губами?

Нормально!

Нет, если бы мы еще там, после ресторана столкнулись, это было бы уместно, но сейчас...

– Тёмыч, иди погуляй, а? У нас с Надеждой Петровной важное дело.

Что?

– Нет, подождите...

– До свидания.

– Артём, стой! Куда? Подождите! Я вообще-то хотела поговорить с ним, в вашем присутствии!

– А поговоришь со мной в моём. Подруга твоя в ресторане просто отохла.

– Мы с вами на брудершафт не пили, чтобы на «ты» переходить!

– Так давай выпьем, Наденька? Тем более, как я понимаю, у нас с тобой есть риск стать родственниками.

– Что?

– Ну, ты же не просто так кипишь подняла? Мой мелкий трахнул твою дочурку? Вообще-то я ему про контрацептивы всё рассказал и даже серию лекций скачал...

– Так, стоп! Как трахнул? Он сказал... ей еще нет... Она несовершенно...

– Тише, тише... что ты так нервничаешь, рыжик? Может

и нет. Я же не в курсе? Я только вчера прилетел, он тут один был, без меня.

– Как один? Ребёнок?

– Ему двадцать два, слышишь? Когда мне было двадцать два у меня уже он был.

Хочется что-то сказать, про ранние браки и отцовство, но затыкаюсь, потому что в мои двадцать два моей дочери было уже больше года.

– Надежда, понимаю, что ты волнуешься, со своим отпрыском я поговорю, проведу разъяснительную работу. Ну и ты тоже, пожалуйста, девочке своей объясни, что и как...

– Я? Я должна объяснять? Вы серьёзно?

– Вполне, я так понимаю, вы же их где-то вместе застукали? И скорее всего не в библиотеке, и не на лекции о вреде алкоголя. Вероятно, у вас дома, да? В комнате девочки, и там они тоже не Мураками читали.

– При чём тут Мураками?

– Хорошо, Пелевина или, ну не знаю... какую-нибудь Элеонору Блинову.

Он бредит? Я ничего не понимаю!

Еще и усмехается наглее и наглее! Как котяра, который чужую сметану скоммуниздил! Или чужую кошку отодрал. Подлец.

– Я к тому веду, душенька, что дети наши вместе всё это творили, поэтому разбираться с их «лямурами-тужурами» нам тоже нужно вместе, андерстенд?

– Вы сейчас со мной разговариваете?

– А с кем же, Наденька? С тобой. Уверен, общий язык мы найдём. Я вообще люблю находить язык с красивыми женщинами.

– А я красивая? – что-то странное шевелится в душе, какое-то воспоминание царапает. Что-то я забыла, что-то упустила... Что?

– Красивая. Ты сама это прекрасно знаешь. И пользуешься.

Да, неужели?

Значит, красивая... угу... только вот муж поёбывает мою подругу. Которую я, кстати, всегда считала страшненькой. Ну, то есть, знаете, по классике, когда есть две подруги обычно одна красивая, а вторая так, погулять вышла. Вот Ларка была типа того, погулять. А о себе я, да, очень даже высококого мнения. Только вот от блядства мужа это не спасает. Так что, красота тут мало что решает.

– Надежда, я сейчас немного занят, нужно заскочить за документами и вернуться в офис, но я бы с удовольствием продолжил наше общение в более интимной обстановке.

– В интимной? – воспоминание становится более объемным, выползает на свет, я уже вот-вот схвачу его за хвост.

Что-то мне нужно было сделать.

Что-то важное.

– Пока я имею в виду ресторан. С удовольствием мы поужинал с тобой сегодня.

– Я замужем. – не знаю, зачем выпаливаю это. Замужем я уже, можно сказать, последние дни, часы, минуты...

– Извини, мужа не приглашаю, но нам же нужно о детях поговорить, да?

– Да.

Точно. О детях. О муже не надо. Муж он это – обьелся груш. Завел любовницу.

Стоп! Вот оно! Вспомнила!

– Так как насчёт ресторана, Надежда?

– Будьте моим любовником?

Глава 11

-Так и сказала?

– Так и сказала.

– А он что?

Мы с Аделаидой сидим в раздевалке у танцевального зала, переодеваем туфли. Подруга привела меня к своему тренеру, я давно хотела начать танцевать с ней, но всё как-то не хватало ресурса. То одно, то другое. И вот, наконец-то.

Это всё еще вечер того же дня. Весьма насыщенного дня.

Утром я застала дочь с парнем в её комнате.

Чуть позже застучала мужа с подругой.

Еще позже познакомилась с отцом парня дочери и сделала ему непристойное предложение.

– А он...

Он...

Охренел. Реально. Лицо у него было... Такие обычно сразу надо снимать, а потом в интернет выкладывать, шикарный мем получится.

Откашлялся, посмотрел на меня, усмехнулся.

– А ты... смелая.

Долбанутая – было бы точнее, или... еб@нько – весьма ёмкое и точное определение.

– А то... – на самом деле нифига не смелая я была, меня аж подташнивало, я поняла какую глупость сморозила.

Наверняка теперь он скажет своему сыну, что мать его девушки – больная на всю голову. Парень бросит мою Полину. С одной стороны – это же хорошо? Мне не надо будет переживать, что меня могут досрочно сделать бабушкой. С другой – дочь же будет страдать? И ничего хорошего в этом нет.

– С козырей зашла.

Вот это он в точку попал.

Харди, то есть Алексей, что-то еще хотел сказать, но его мобильник издал какой-то дикий сигнал. Он достал гаджет, посмотрел на экран.

– Так, Надежда, сорян, у меня реально очень важная встреча, но моё предложение поужинать в силе, я тебе наберу. И да, твоё предложение принимается.

– Какое? – подтормозила я.

– Насчёт любовника. Это более чем заманчиво. Я согласен. Пока.

А дальше.

Чёрт. Дальше он наклонился и мазнул своими губами по моим, ну как мазнул... впился, быстро, так, чтобы я не успела включить сирену или дать пощечину. И так же стремительно смылся, я только успела увидеть, как он сел за руль шикарного «Гелендвагена».

Капец.

– Да, Надя, ты отожгла.

Это точно.

– И что теперь будешь делать?

– Свалю куда-нибудь в Петропавловск-Камчатский? – во-просительно смотрю на подругу.

– Ты? Свалишь? Не смеди мои подковы. Ты не такая.

– Не какая?

– Не страус, голову в песок не прячешь.

Эх, а так хотелось! Именно как страус, спрятаться, сказать – я в домике, меня трогать нельзя.

– Угу, вечно на амбразуру. А если серьёзно, Ада? Что мне теперь делать?

– Танцевать!

– В смысле?

– Ну, мы танцевать пришли? Вот и пойдём танцевать. Обещаю, после часа танго у тебя в голове всё будет иначе.

– Как так?

– Нейронные связи по-другому выстроятся и всё, что ка-залось ужасным, будет казаться ничтожным и мелким.

Ничтожным и мелким? Что именно? Моё предложение красавчику Тому Харди? Или измена мужа?

Я усмехаюсь.

Удивительно, но сейчас для меня измена родного и как бы любимого отошла на второй план.

На первый вышло знакомство с отцом парня дочери и моё непристойное предложение.

Хотя, почему непристойное? Он привлекателен, я чертов-ски привлекательна, чего зря время терять?*

Танго на самом деле меняет мышление. Вернее, мышле-

ние пропадает напрочь. Во время занятия ты думаешь только о том, что говорит тренер и как всё это воплотить. Всегда считала, что с танцами у меня всё отлично, и я с ними на «ты», но то ли я себе льстила, то ли возраст уже берёт своё. Как это у Ады так ловко получается? И нога сразу идёт туда, и стопа повёрнута правильно, и руки. А я как бревно негнущееся! После занятия сил хватает только на то, чтобы доползти до скамейки в раздевалке и рухнуть кулем бесформенным.

– Надюш, ты молодчина.

– Я Буратино, ты это хотела сказать?

– Ты что? Ты отлично справилась для первого раза, ты просто реальных Буратин не видела!

– Жесть, конечно, – вытираю пот с лица, вроде так все спокойно и медленно, а по мне как будто катком проехали.

– А я давно говорила – пойдём со мной! Глядишь, сейчас и не надо было бы любовника спонтанно искать.

– Боже не напоминай!

Смеюсь, а потом меня осеняет.

– Бинго!

– Что?

– Он сказал, что позвонит!

– И?

– И! Телефон-то я ему свой не дала! Ха-ха, три раза!

Я торжествую, но очень быстро понимаю, что недооценила возможности тёмной стороны.

Он привлекателен, я чертовски привлекательна, чего зря время терять?*

– перефразированная реплика из пьесы Е. Шварца «Обыкновенное чудо» и одноименного кинофильма режиссёра Марка Захарова.

Глава 12

– Надежда? Добрый вечер, поздно домой возвращаетесь.

Чёрт, когда я последний раз краснела? Не знаю. А тут прям зацвела аки трепетный мак.

Он что, следил за мной? Ждал?

Капец. И что теперь делать? Ну, не стоять столбом точно.

Я припарковала машину напротив подъезда, вышла, а тут он, нарисовался – не сотрешь.

Алексей Батькович Харди собственной персоной.

– Добрый вечер. Какими судьбами?

– Да вот, места себе не нахожу, всё думаю о вашем предложении.

И смотрит так нагло. Котяра мартовский. Стоит под фонарём, его лицо в свете выглядит слегка футуристично.

Вообще, всё это немного похоже на кино. Я вот только еще не разобралась какое, блокбастер, сериал или фестивальная хрень с социальной драмой.

В драме вот точно не хочу участвовать.

Драма меня ждёт дома, и драму мою зовут Сергей, свет, Гусаров. Муж, который объелся груш, и который названивал мне весь вечер.

Кобелино.

Я бы сейчас с удовольствием побыла бы героиней «ромкома» – романтической комедии.

Она – немножко взбалмошная, немолодая, с характером. Он – брутальный, властный, но становится мягким няшечкой рядом с ней, потому что «любофф». Хорошо же, да?

Прекрасно.

Жалко, что вряд ли про меня.

– Ау, Надежда, вы задумались? Или забыли, что вы мне предложили?

– Почему забыла? На память я не жалуясь. Пока.

Опять усмехается и делает пару шагов, выходит из света, становится прямо напротив меня. Руки сложил на груди. Смотрит так, чуть исподлобья. Хорош, чёрт. И залысин нет, как у Гусарова.

– Значит, всё в силе?

Молчу.

Нет, ситуация, конечно, просто капец какая! А что делать? Давать заднюю?

Телефон, как назло, вибрирует.

Достаю.

«Любимый муж». Чёрт. Ну вот кто так называет контакты?

Никакой ты не любимый, блин. И муж – ненадолго. В чёрный список его что ли отправить? Или рано?

Возвращаю гаджет в карман, смотрю на нового знакомого. Вовремя Гусаров позвонил, вовремя.

Придаёт решимости.

– Да, в силе. Только я бы хотела обговорить условия сдел-

ки.

– То есть всё серьёзно, да?

– Да. Вас что-то не устраивает?

Не знаю, откуда во мне столько наглости и решимости.

Правда, не знаю.

Я не сказать, чтобы слишком уж нахальная и бесцеремонная, наоборот. Да и такой уж твёрдой, уверенной в себе не могу себя назвать.

Ну, не на сто процентов, точно.

До той же Ады мне как до Китая ползком.

Возможно, у меня сейчас просто агония. Я загнана в угол.

Я еще не до конца осознала, что за пипец происходит в моей жизни.

Всё разваливается. Раскалывается. Всё придётся начинать с нуля. А это всегда тяжело.

Но я справлюсь.

У меня всё получится.

Да я костыми лягу, но у меня всё в жизни будет зашибись!

И вот этого мужика я если захочу – тоже прогну.

– Так что, ко мне или к тебе? – голос у него низкий, пробивает до самого дна, подлец.

Что, так сразу?

– А что, хата свободна? Предки свалили? – а вот у меня голосок чутка дрожит.

– Типа того, – он усмехается, а потом делает еще шаг, становясь совсем близко.

Нарушает личное пространство. Очень сильно нарушает. Критично.

Вкусно пахнет, гад. Люблю, когда мужчина пользуется хорошим одеколоном, каким-то вот таким, индивидуальным. Нотки моего любимого сандала, чего-то цитрусового и древесного, еще почему-то пахнет дождём. Может, потому что дождь накрапывает, а я и не заметила?

Помню, как я приучала Гусарова не экономить на аромате и не выливать на себя полфлакона чего-то, похожего на «Тройной» или одеколон «Саша». Научила, блин, на свою голову!

Вообще, сейчас я понимаю тех женщин, у которых мужик страшный, неухоженный, заросший, в неглаженных брюках, нечищенных ботинках и дырявых носках! Респект вам, девочки! Вы всё поняли раньше чем мы, дуры, которые своих щенков дрессировали и делали из них породистых самцов. Сделали, на свою голову, теперь кушайте, не обляпайтесь.

– Много думаешь, Надежда. Бросай-ка ты это дело.

Говорит, и делает еще шаг. Прямо в меня...

Глава 13

– Эй, стоп, стоп, нет, о...

Поздно.

Если такой мужик хватает – точно поздно.

А он хватает.

Надежда, где был твой мозг, когда ты предлагала ему стать любовником?

Где-где... в отключке, точно.

Отключился в тот момент, когда увидела мужа со спущенными штанами.

А может еще раньше, когда замуж за такого козла выходила.

Или нет, когда замуж-то выходила он ведь еще не был таким козлом, да?

Замуж-то мы за хороших выходим. Кто ж их потом-то подменяет?

Может, инопланетяне?

Хотят таким образом устроить нам демографический кризис, или, наоборот, взрыв.

Так, глупости какие- в голову лезут. Правильно мне Харди сказал – не думай.

Чувствовать надо.

А что я чувствую?

Чувствую рядом сильное мужское тело. Аромат. И еще

кое-что чувствую.

И это не кольт, в кармане у Алексея Батьковича, совсем не кольт.

Господи, какая пошлость!

И целоваться с чужим мужиком, да еще и отцом парня дочери тоже пошлость.

ТЬфу...

Нет.

Совсем не тьфу.

Это... хорошо. Мне нравится. Горячо так. Губы у него... в меру мягкие, в меру твёрдые. И целоваться он умеет. Делает это с чувством, с толком, с расстановкой.

Жадно.

Демонстрируя мне сразу все свои навыки. Или просто целуясь в своё удовольствие.

И в моё.

Я оглушена. И обездвижена.

Дезориентирована.

О, господи, еще и язык!

Мамочки мои... к этому меня жизнь точно не готовила.

К таким вот неожиданным и страстным поцелуям.

Нет, с Гусаровым у нас тоже всё было. Но это Гусаров, свой, родной, знакомый, которого как облупленного.

А это...

Господи, мне правда надо отключить мозг и расслабиться. Просто получить удовольствие.

И я это делаю.

И тут же тону, захлебываясь в собственных эмоциях.

Оказывается, я могу быть женщиной? Желанной?

Не привычной, на которой играешь как на старой гитаре, с лентой настраивая, кое как брэнча, не понимая, особенно, что она может выдать и даже не пытаюсь проверить, вдруг у неё там есть в арсенале что-то большее? Да, у неё-то есть, да вот игрок, увы, исполнитель не Эл Ди Меола, и даже не Юрий Лоза.

Я не думаю, не думаю, я чувствую. Правда. Позволяю себе.

И это хорошо. Мне хорошо.

С ним хорошо.

Голова плывёт...

Эх, Надюха, что ж ты творишь?

Это как нужно довести женщину, чтобы она вот так себя вела?

Да, плевать.

Просто пять минут наслаждения чужими губами, чужим телом, чужим человеком. Могу себе позволить.

Жадно как, сочно, горячо. Втягивает мою плоть, прикусывает, зализывает, пьянит. Язык хозяйничает у меня во рту, выдает немислимые пируэты, сплетаясь с моим. Мне нравится, всё нравится, мне вкусно с ним, я кайфую от аромата и от его нетерпения, жажды.

Как будто у него, как и у меня давно не было вот так. По-

настоящему. Живо. Очень плотски. Очень откровенно.

При этом без пошлости.

Когда желание естественно.

Руки на бедрах наглые, вжимают, очерчивают, находя полосу трусиков, скрытых под тканью платья проходятся по ним игриво. Стояк у него ошеломительный. И мысли у меня тоже ошеломительные. Дать?

Вот просто взять и трахнуть этого мужика. Не задумываясь о последствиях.

Можно?

– А ты хороша, ведьма, так что, реально ко мне? Хата свободна, сын к матери поехал.

Так, значит есть еще мать? И... жена?

– Ты женат?

Тупой вопрос, понимаю, но...

– А ты как думаешь?

Глава 14

Как я люблю людей, которые отвечают вопросом на вопрос!

Вот и что тут скажешь?

– Ты сам мне сказал – не думай!

Ухмыляется, гад! Мы так и стоим на парковке недалеко от моего подъезда. На улице темно и сыро. И нас могли увидеть.

Весь дом мог видеть, как мы целуемся.

Я понимаю, что ему плевать.

А вот мне – нет.

Потому что мужчина в этой ситуации всегда будет молодцом и на коне, а женщина – шлюха, конечно, да?

Если еще он окажется женат!

Жесть.

– Я сказал по другому поводу.

– Я поняла.

Почему мне так нравится его наглая ухмылка?

Вообще, я терпеть не могу наглых мужиков! Вот с детства, ну, то есть с юности. Все вот эти наглые парни, мажоры, бабники, приставучие, считающие, что девушка должна им дать просто потому, что они – это они! Ха-ха, три раза! И как же красиво было их обламывать, включая «Динамо». Это я тоже любила когда-то. Обламывать.

Интересно, а если сейчас этого обломить? Нет, ну в прин-

ципе так и получится. Птица обломинго.

Я же не собираюсь всерьёз идти с ним к нему домой те-ребонькаться?

Или...

Так, стоп, он сказал, что сын уехал к маме, значит, мама живёт отдельно, получается...

– Опять ты громко думаешь, рыжуля, и всё не о том. Ты ведь замужем?

Хм, а вот это мне не нравится. Совсем не нравится.

– Всё изучил уже?

– Скажем так, справки навёл.

– И что тебе еще нашептали твои справки.

– Ничего особенного. Не волнуйся. Никаких страшных тайн я о тебе не узнал.

– То есть убийство бывшего любовника всё-таки на госуслугах не зарегистрировано?

– А было?

– А то! Я дамочка такая, страстная.

– Это я уже заметил. Очень. Мне зашло.

Ему зашло! Ишь ты, поди ж ты! Я что, должна прыгать от радости? Меня, кстати, эта беседа уже начала бесить.

– Ладно, мне домой пора, меня муж ждёт.

– Неужели? А как же наш секс?

– Наш секс? А что это? В первый раз слышу.

– Ладно, лиса, расслабься.

– Я не напрягалась, так-то... медведь.

Есть в нём что-то медвежье, точно.

– Хорошо не олень.

Чёрт, забыла я про оленя-то.

– Пустишь?

– Спешишь?

– Сказала же, дома ждут.

– Если ты про мужа, то еще не ждёт.

Что? Вот же блин... Он откуда знает?

– Не ждёт и плевать, я устала, хочу принять ванну и лечь.

– У меня джакузи на тридцатом этаже. С видом на город.

– Красиво, наверное.

– Хочешь посмотреть?

– Не сейчас.

– Почему?

Плечами пожимаю. Потому, наверное.

– Ясно. Заднюю включила.

– Да я, собственно, и не выключала.

– Ты сама предложила мне стать твоим любовником. Я согласен. Только... надо скрепить сделку.

– Я сейчас не готова.

– А когда будешь готова?

После дождика в четверг, блин.

– Так что насчёт жены, я не очень поняла...

Перевожу стрелки, ну, пусть скажет! Пусть.

– Это так важно, наличие жены?

– Для меня важно. Не хочу быть такой же тварью как лю-

бовница моего мужа.

– Ясно.

Усмехается, но как-то горько.

– Значит, этот кобель тебе изменил, ты его поймала и решила отомстить? А тут я попался под руку, да?

– Нет, – как-то из его уст это звучит... Мерзко.

– Да. Назло мужу отдамся чужому мужику. Что у вас в головах-то?

– Мозги у нас, которых у вас нет! Только членом думаете. Пусти, ладно, я пойду. – Пытаюсь вырваться, толкаюсь, руки его хочу от себя оторвать. – Шутка затянулась. И сыну своему скажи, если попытается в постель к моей дочери залезть...

– погоди. Тормози ты. Спокойно. Что ж ты такая...

Сжимает меня крепче, руки за запястья хватает, заводит за спину и держит. Чёрт, как так-то?

– Пусти говорю.

– Тише. Весь дом перебудишь.

– Десять вечера только, еще никто не спит.

– Не спят, но заставляя из выглядывать в окна тоже не стоит, верно? Тише, тише...

Я замираю. Замолкаю. Его голос, он такой... завораживающий... И хочется подчиняться. На самом деле лучше подчиниться. Ведь не будет же он меня силой куда-то тащить? И насиловать? Или...

– Красивая ты женщина, Надежда Гусарова, только глу-

пая.

– Неужели?

– Да. Потому что, если муж твой подлец и ничтожество, это не значит, что все мужчины такие.

– Ты не такой?

– Нет. Я не такой.

– И ты не женат.

– Почему же? Женат, только...

Что, только?

Козёл, блин...

Дорогие мои, не торопимся делать выводы! Женат – это еще не окончательно!

Глава 15

Ну, спасибо! От одного кобеля не успела избавиться, как мне судьбина другого преподносит на блюдечке, с голубой каёмочкой.

Вот, спрашивается, «пуркуа»? То есть, почему?

Почему одним достаются приличные одинокие холостые мужики, а я...

Нет, я очень люблю Аделаиду и она, реально, заслуживает нормального мужчину рядом. Этот её Макара мне никогда не нравился. Скользкий тип. Ещё и подкатывал ко мне, придурок!

Но у неё сейчас, на сколько мне известно, три кандидата! Три! Уже...И все холостяки. И все богатые. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить Адкино счастье! Пусть у неё всё будет! Да пусть хоть со всеми тремя! Только порадуясь.

Но три холостых миллионера – это, конечно, результат!

А у меня?

Опять женатик?

Ну, то есть не опять, а снова.

То есть вообще единственный. Первый.

Один.

И сразу не в ту дверь.

То есть женат.

И вот эти его голимые объяснения.

– Мы пять лет не живём вместе.

– А развестись вам Заратустра не велит?*

– По классике пошла? Ильфа и Петрова я тоже уважаю, ну, если хочешь, да, Заратустра. Не позволяет.

Интересно, значит лексикон Остапа Бендера знает?

– Прекрасно.

– Я готов обсудить с тобой моё семейное положение, но только не тут.

– А где?

– Я уже сказал. Тридцатый этаж. Подъезд соседний с твоим. Джакузи.

– Знаете, что, Алексей...

– Знаю, пошлешь меня, да? Но ты сама предложила, я не напрашивался.

– Поторопилась, – цежу сквозь зубы. На самом деле мне жаль.

Неплохой же кандидат был! Неплохой!

Но не могу я с женатым. Мне вот точно Заратустра не велит.

Просто... тошно. И противно.

Знаю, потом будет казаться, что я как будто в чём-то липком и вонючем измазалась. Да, да, в дерьме.

А я не хочу в дерьме.

Поэтому...

– Всего хорошего Алексей Батькович, – чуть не добавляю
– Харди, но вовремя затыкаюсь.

– Я Иннокентьевич, если для тебя это так важно.

– Уже не важно. Не выговорю. Насчёт сына я предупредила.

– Я услышал.

Быстро иду к подъезду. Главное, чтобы не остановил, главное, чтобы...

– Надежда.

Чёрт.

– Что?

– Ты очень красивая женщина. И отчаянная. Может, хотя бы просто кофе выпьем? Не сейчас. Завтра?

Выпить кофе с женатым мужчиной? В этом вроде бы ничего такого нет, да?

– Оставь свой телефончик, а, Надь? Ну, просто так. Мало ли, нужно будет что-то про сына спросить?

Про сына. Ах-ах.

Качаю головой и скрываюсь в подъезде.

Чёрт. Чёрт. Чёрт...

Слёзы текут.

Так-то я вообще не плаксивая.

Просто больно очень.

Реально.

Живёшь вот так в своём идеальном мире, а потом оказывается, что везде полная жопа.

Ничего идеального.

Мужа любишь, лучшие годы ему отдаешь, а он... тере-

бонькает твою гадкую подругу, про которую всегда говорил, что она его бесит.

Она бесит, а вагина её, значит, не бесит.

ТЬфу.

Захожу домой. Как-то странно и пугающе темно. И тихо.

Нет, то, что Гусарова нет дома это я как-то даже не сомневалась. Но где Полина?

Стучу в комнату дочери – всегда стучу, с утра вот единственный раз, когда зашла без стука!

Тишина.

Открываю. Чёрт, пусто! И, как всегда, монитор забыла выключить, коза!

Где её носит?

Хватаю телефон, набираю номер. «Абонент не абонент».

Ну естественно!

Вот же... времени уже до хрена, на улице давно темно – октябрь! Да еще и похолодало ощутимо, а моя звездень наверняка напялила джинсовку на худи и всё! А мне вот в тёплом пальто сейчас с Иннокентьевичем было стоять не айс! На самом деле, стоять с ним было жарко, но это мы опустим.

И где мне её искать?

Стоп! Иннокентьевич Харди! Наверняка она с его сыном.

Только вот как мне его найти? Телефон же я оставить отказалась, да это бы мне и не помогло, это ведь мне нужно ему позвонить!

Что он там сказал? Соседний подъезд? Тридцатый этаж?

Вылетаю из квартиры и натыкаюсь на мужа.

Гусаров стоит с виноватым видом, глазки бегают, и амбре стоит такое, словно он месяц отбывал повинность на вино-водочном.

Мудак. Вот же мудак!

– Надя, ты куда?

– К любовнику.

– Что?

– Что слышал.

– Ты... как ты...

– Как и ты. Кстати, на развод на госуслугах подаешь ты, я пошлину платить не намерена!

– Ты...

– Всё, чао бамбино, мы разошлись как в море корабли.

Залетаю в лифт, нажимаю цифру один...

Уже через пять минут мнусь перед дверью Харди.

– Надя, ты что тут делаешь?

– Дорогой, кто там?

Кто, кто... конь в пальто...

Прим. Автора. «Набил бы я тебе рыло, только Заратустра не позволяет» – реплика Остапа Бендера из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»

Глава 16

– Божечки-кошечки, Алекс! Почему ты сразу не сказал, что ждёшь такую фемину? C'est magnifique, incroyable, ah, quelle femme! *(Это великолепно, невероятно, какая женщина)* О-о! Я сливаюсь, детки, не буду вам мешать.

Я в шоке.

Нет.

Я реально в... Да, господи, прости, в ахере я.

Потому что в холле шикарной – это я успела заметить – хаты Харди стоит не просто старушка, божий одуванчик. Это нечто среднее между почившей, к сожалению, иконой стиля Айрин Апфель и так же, увы, почившей королевой Елизаветой.

Это его... Мама? Нет...

– Ба, погоди, – Алексей Батькович, то бишь Иннокентьевич, говорит вроде спокойно, но я вижу – вижу! – как его щеки слегка розовеют.

Божечки-кошечки – тырю не задумываясь лексикон старушенции. Он краснеет?

Краснеет? Харди?

– «Ба»! Сколько лет тебя прошу, как горох об стенку. Никаких «ба»! Просто Лиз, Элиза, Элизабет. «Элизабет, Бетси, Бетти и Бесс весною к корзинкой отправились в лес» – помните эту загадку? – она мне подмигивает. – Лиз мне нра-

вится больше всего и в юности мне говорили, что я похожа на Элизабет Тейлор. Были времена.

Говорит бабуленция быстро как из пулемета стреляет словами, остановить нереально, и я даже забываю зачем притащилась сюда.

– Лиз! Это же так просто! – «ба» закатывает глаза, вздыхает. Харди сжимает челюсти, но смотрит прямо на меня, не отрываясь, словно считывает ситуацию, пытается понять – как я реагирую на его восхитительную родственницу.

– Ах, mon cher ami (*мой милый друг*), я бы с удовольствием осталась, поболтать с вами и узнать, кто же сия незнакомка, но увы, увы, – мадам подходит ко мне ближе, чуть прирывается на носочки, потому что я выше, и шепчет, – меня ждут мои тигры. О... Quel arôme agréable! (*какой приятный аромат*) Душечка, не сочтите за дерзость, что у вас за духи?

– Это... это Флер наркотик.

– Боже, боже, боже, как шикарно, изысканно, бесподобно, как и вы. Да, если он будет предлагать вам жениться – соглашайтесь не задумываясь! Шикарный мужик. Моё воспитание.

– Но... он женат?

– Да? Merde (*дерьмо*). Я забыла. Память девичья. Я побегала. – она тычет мне в грудь наманикюренным пальчиком, ого, какой оттенок розового, я тоже хочу! – Нам обязательно надо увидеться и поболтать! У меня нерастроченный ресурс коммуникации. И ты мне понравилась.

– Вы мне тоже.

Мадам выходит из квартиры завернувшись в палантин, мурлыкая что-то себе под нос минует лифт и выходит на лестницу.

– Моя невероятная grand-mère – бабушка, очень рад, что вы встретились.

– Да, я тоже...

– Ты всё-таки решила прийти?

– Я? Да... – смотрю на шикарного мужика, которому сдурно предложила себя в качестве любовницы и не понимаю, что я тут делаю.

– Проходи, до пятницы я совершенно свободен.

Он свободен? Он же женат? А я?

Что я тут... Господи, Полина!

– Где твой сын? – совершенно не помню переходили мы на «ты» или нет, но сейчас мне пофигу.

– Он у матери. Наверное. – сомнение в голосе Харди мне совсем не нравится.

– Наверное? Звони ему, немедленно!

– Иначе что? – поднимает бровь, а мне хочется долбануть ему хорошенько.

– Иначе всё! Полицию вызову.

– В смысле?

– В коромысле! У меня дочь пропала.

Неожиданно горло сводит спазм, я издаю то ли всхлип, то ли рваный стон, закрываю рот рукой.

– Спокойно! Спокойно! Только не рыдать. Сейчас я всё сделаю, мы её найдём.

Он хватает меня за руку, заводит в квартиру, усаживает на какой-то мягкий пуфик, откуда-то появляется бокал непонятно с чем.

– Выпей.

Приказывает.

А сам достаёт телефон.

– Алло, Артём, ты где? Полина с тобой? Что?

Мне кажется, что в его голосе звучит что-то очень странное, похожее на панику. Я залпом глотаю то, что было в бокале и судорожно пытаюсь схватить воздух, потому что горло моё горит как в огне, и из глаз брызжут слёзы.

Алекс смотрит на меня недоуменно, берёт бокал.

– Едрить колотить... ну, бабуля!

– А-а-а... – пытаюсь дать понять, что мне нужна вода, иначе я просто схохну.

Харди тут же мгновенно вылетает из холла, потом влетает обратно со стаканом, надеюсь, воды.

– Пей.

Пью. Глотаю слезы, горло жжёт. А по телу растекается жаркая алкогольная нега. Ну пипец, приплыли.

– Что... что это было?

Догадки одна за другой лезут в голову. Французский коньяк? Возможно. Хотя коньяк я пробовала, такого эффекта не припомню.

– Бабуля бадяжит настойку на коньяке. Хрен знает что она туда добавляет, но...

– Хрен точно.

– Говорит, повышает либидо.

– Что?

– И фертильность.

Вот этого мне только не хватало!

Либидо и фертильности! При разводе самое-то!

– Где... где Полина?

– Идти сможешь?

– Да.

– Тогда поехали.

– Куда?

– Полину забирать.

– Откуда?

– От верблюда, – говорит Харди нагло ухмыляясь.

Этого мне только не хватало!

Где моя дочь?

Встаю и сразу падаю, на грудь Харди. Она у него такая... м-м-м... такая... стальная! Не соображая, что делаю кладу ладонь на выпуклость и сжимаю. Грудь эту самую сжимаю.

О, Господи...

По ходу я пьяная.

Глава 17

Голова кружится. Но вроде не мутит.

Опозорится в машине Харди – это будет прям вишенка на тортике моей жизни.

– Ты как, Рыжик?

– С фантазией у тебя туговато, да? – еле выговариваю, но пока не настолько пьяна, чтобы не язвить.

– Да мы, мужики, вообще тугодумы, а как бы тебе хотелось, чтобы я тебя назвал? Лисичка? Рябинка? Может, Белочка?

– Белочки сейчас точно не хватает, угу.

– погоди, вернёмся, накатишь еще настойки, будет и белочка.

– Нет уж, спасибо, обойдусь.

– Что, боишься, что я воспользуюсь твоим состоянием?

Усмехается гад, а у меня, кажется, глазки совсем косят. И всё на него.

– Боюсь состояние будет такое, что ты им уже хрен воспользуешься.

– Я опытный товарищ, справлюсь. Кофе хочешь?

– Хочу знать где моя дочь и что с ней.

– Всё нормально с ней, не волнуйся.

– Нормально? Не волнуйся? Это ты мне говоришь? Серьёзно?

Чувствую, что влияние настойки усиливает какие-то внутренние запасы недоброй энергии разрушения.

Ой, Харди, лучше бы тебе помолчать!

– Вот роди свою дочь, вырасти её до семнадцати лет, тогда посмотрим!

– Что смотреть-то? Я уже родил. Сына.

Сына он родил! Ишь какой важный.

– Это другое!

Еще и смеётся надо мной! Ну, не смеётся, но ухмыляется.

Наглец.

Но грудь у него что надо. И вообще...

Нет, я точно не ошиблась, предложив ему стать моим любовником. Экземпляр на двести процентов.

Сработало бы безотказно.

Только вот кому сейчас это всё надо?

Или еще надо?

Да нет, на Гусарова моего долбоящера и на подружайку подколодную мне плевать.

Мне чисто для себя.

Но ведь чисто для себя нужен не фиктивный, да?

Так, мне вроде Аделаида там кого-то обещала. Хотя понимаю, ей сейчас вот вообще не до меня.

У неё развод. Суд. И шикарные мужчины.

Я не завидую, правда!

Но у меня подлец муж, подруга подкинула проблем, наглец Харди, грудь которого не даёт покоя, и маячащий на го-

ризонте алкоголизм.

Бинго.

Ой, что ж так дурно-то...

– Что, плохо? Я могу притормозить.

– Не бойся, салон не испачкаю.

– Я не боюсь, дуручка, мне просто тебя жалко.

Божечки-кошечки, каким тоном он это говорит! М-м-м... просто сразу всё, как это говорят в романах – намокли трусики? Ах-ах. Чёрт. А ведь правду говорят. Так, что со мной?

Надя, соберись! Надюха!

Держать строй!

М-м-м, зачем его держать? Я же вообще планировала любовника? Почему нет?

Отдамся ему и дело с концом.

С концом.

Ух... Чёрт. Скашиваю глаза прямо туда, еще и голову наклоняю. Из-за руля и темноты в салоне авто ничегошеньки не видно. Конец, где ты, ау...

Блин, по ходу у меня аллергия на алкоголь, он превращает меня в блудливую самку.

– Ты что там выглядываешь? – усмехается Харди.

– Не что, а кого. Его.

– Кого его?

Чёрт, нельзя же признаваться? Нельзя.

Что он там про настойку сказал? Фертильность и либидо?

Что такое либидо я, кажется, хорошо понимаю. Фертиль-

ность – сейчас почему-то смутно.

– А что такое фертильность?

– Интересные у вас вопросы, Надежда Петровна, на ночь-то глядя. Смотрите, а то воспользуюсь пробелами в вашем образовании.

– Может, чем-нибудь другим воспользуетесь?

– Может. Какие есть предложения?

Скалится, зубы хорошие. Да и вообще он хорош. Шикарный мужик.

Представляю, как я заявила бы с ним, например, в ресторан, где сидел бы мой неблаговерный со своей кошёлкой, вот бы Ларочка удивилась бы, да? И Гусаров!

А вообще, не пошли бы они «на»? Правильно я говорю, Алексей Николаевич?* Вспоминаю любимый анекдот и прыскаю от смеха.

– Что? – хмыкает мой новый приятель.

– Следите за дорогой лучше.

– Я слежу. Почти приехали.

– Да?

Смотрю в окно, пытаюсь понять куда это мы, собственно.

– Найти бы еще, где машину бросить поближе.

– Поближе к чему?

– К тому месту, где наши детки гуляют.

– А где они гуляют?

– На смотровой, на Воробьёвых.

О, Господи, зачем её туда понесло? Еще и так поздно! И

телефон не отвечает! А если бы... если бы я не встретила отца её парня?

Ох, лучше бы я его не встречала, потому что машина уже припаркована, а этот хищник поворачивается ко мне и смотрит так, что...

Что? О, боже, только не это!

Прим. автора.

Анекдот:

Мужик сидит в лодке, рыбачит. Мимо проплывает лягушка:

– Мужчина, а можно я у вас в лодке погреюсь?

– Ну ладно, залезай...

Лягушка залезает, томно разваливается в лодке и кокетливо спрашивает:

– А как вас зовут, мужчина?

– Алексей Николаевич.

В этот момент мимо проплывает еще одна Лягушка:

– Ой, а можно и я тоже погреюсь?

Первая лягушка:

– А не пошла бы ты на хуй!! Правильно я говорю, Алексей Николаевич?

Глава 18

– Нет!

– Что нет?

– Не надо меня целовать!

– В смысле? Я и не собирался!

– В коромысле! Что?

Как говорит моя Полина – эпичный фейл. Это что-то типа полного провала.

Ну, да, провал. Фиаско.

– Почему? – ну, помирать, так с музыкой, да?

– Почему что?

Он издевается надо мной, это очевидно, а самое обидное, что я в таком заторможенном состоянии, что не сразу могу сообразить, что ответить и меня несёт. Несёт в какие-то дебри и дали.

А ещё очень хочется посетить заветное местечко с аббревиатурой «WC», или это не аббревиатура? Ну, в общем, там, где «ЭМ» и «ЖО».

Это меня слегка напрягает, потому что не могу я спросить у такого мужика как этот Харди, где тут «ЭМ» и «ЖО»!

Или могу?

Вообще-то, я его спросила, почему он меня целовать не собирается! А он, опять, зараза, вопросом на вопрос! Ладно!

– Почему вы не собирались меня целовать? Не любите

пьяных женщин?

– Почему же, люблю. То есть... Не в этом смысле.

– А в каком? Любите подпоить и воспользоваться?

– А с тобой так работает?

Еще и ухмыляется! Подлец!

Значит, опаивает дурочек бабулиной настойкой и шпилит? Так? А сам, между прочим, женат!

– По-моему ты сейчас уже придумала и состав преступления, и жертву, и исполнителя, и наказание. Весёлая ты женщина, рыжуля. Значит, хотела, чтобы я тебя поцеловал, да?

– Да! О... Нет! – божески-кошечки, что со мной?

Кстати, бабулино выражение мне «зашло». Где-то я, правда, его уже слышала.

– Ты еще «не знаю» забыла.

– Что?

– Ну, стандартное – да, нет, не знаю.

– Вот такая я, нестандартная!

– Я это понял, поверь. Так, что «да» или «нет»?

– Это вы сейчас о чём?

– Обо всем сразу. На «ты» перейдем уже, а? И поцелуемся, что ли, правда.

– Нет!

– Да.

Он выдвигается с водительского места, как хорошо, что на этих больших машинах между сидением водителя и пассажира такая большая панель. Хренушки он дотянется. Или...

Блин, похоже у него опыт. Потому что его рука меня тащит прямо в логово чудовища, то есть в его объятия.

– Нам детей искать надо, – мямлю тихонечко, пытаюсь избежать порочной участи, но монстра не остановить.

– В порядке всё с нашими детьми, у них фотосессия была на фоте города и заката, расслабься.

– Я не могу.

– Можешь, можешь...

И я расслабляюсь. Правда. Почему нет? В голове туман, всё плывёт, кружится, летит, так хорошо! И целоваться тоже хорошо. И ни о чём не думать. Ни об измене мужа, ни о предательстве подруги. Ни о чём.

Просто меня целует шикарный мужик, и я тоже вся такая, шикарная. Вот.

Боже, он реально целуется как бог!

А можно... а можно мне вот этого с собой завернуть, а? Что? Женат? Чёрт... А проблему как-то можно решить? Да? Тогда хрен с ним, пусть будет женат.

– Вкусная ты, рыжуля, не отрывался бы.

– Не отрывайся.

– Да? Даешь индульгенцию?

– Инду... что? – Такое знакомое слово, где-то я его слышала. Или говорила.

– Разрешение даешь?

– На что?

– Целовать тебя.

– М-м-м... А тебе оно надо?

– Целовать или разрешение? – он усмехается прямо мне в рот, и щекочет своей бородкой, это так приятно...

– Всё.

– Целовать – надо, разрешение – хрен с ним.

И он целует. Еще круче, острее, жёстче, наглее. Права на меня заявляет, как будто. Ого...

Индульгенцию ему, значит... ага...

Плевал он на все эти индульгенции!

Он же мужик!

И тут я вспоминаю... чёрт... только сегодня утром я говорила это слово мужу, когда на мой вопрос «как он мог» Гусаров ответил, что он мужчина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.